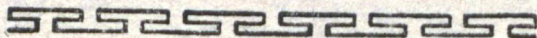

891
п. 31 8P1 (092) (08A)
П 91

ПУШКИН

СБОРНИК
СТАТЕЙ
К СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ
СМЕРТИ

ОРЕНБУРГСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1937

89/
17-91

8P1/092/100
17-91

А. С. ПУШКИН

СБОРНИК СТАТЕЙ
К СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ

А-238421

78
81

ОРЕНБУРГСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Оренбург 1937 г.

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

ПУШКИН И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Пушкин был гуманным поэтом, но его гуманность носила общечеловеческий, т.-е. отвлеченный, характер. Пушкин боялся народной революции. От революционных средств борьбы его отвращала боязнь крови, жертв. Пушкин еще не знал, что торжества подлинного гуманизма можно добиться только насильственным подавлением угнетателей и эксплуататоров. «Не приведи бог видеть русский бунт, — писал он, — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уже люди жестокосердные, коим чужая головушка — полушка, да и своя шейка — копейка».

Однако Пушкин всю жизнь проявлял неотступный интерес к народным революционным движениям. Эта тема его постоянно привлекала. Как замороженный, он к ней возвращался вновь и вновь. Смутное время, Стенька Разин, Пугачев, восстание крепостных в Западной Европе, французская революция, бунты против помещиков, против аракатеевских военных поселений, холерные бунты, крестьянская программа декабристов являются для него постоянным предметом изучения, размышлений, творческих замыслов.

Его интерес к книге Радищева и к судьбе ее автора — это интерес к идеологии народной крестьянской революции, создаваемой образованным человеком из дворянства. Его любопытство с какой-то своеобразной остротой приковано к судьбе нескольких дворян и офицеров, перешедших на сторону Пугачева. Сюжет «Капитанской дочки» в значительной степени построен на взаимоотношениях

Швабрина, в самом деле перешедшего к Пугачеву, и Гринева, заподозренного в таком переходе. Нас же должно смущать, что Швабрин — отрицательный тип, а Гринев, попав в лагерь Пугачева, сохраняет верность Екатерине. Важно направление внимания Пушкина. Его занимает внутренняя жизнь самих восставших, их взаимоотношения, их распорядки, их психология. Пушкин понимает, что от этих исторических фактов нельзя отмахнуться, как от неприятных происшествий, что к ним нельзя отнестись по официальному: усмирим — и точка. Усмирение еще не обозначает их историческую ликвидацию: усмирившиеся подымутся вновь и вновь. Простым насилием нельзя превратить народные низы в послушных и нерошущих рабов.

Пушкин чувствовал, что во взаимоотношениях помещиков и крестьян вопросы исторических и личных судеб сплетаются в роковой узел, который необходимо разрезать или разрубить, ибо иначе, думал он, все становится неверным, неясным, неопределенным, иначе нет будущего, которое можно было бы спокойно готовить для предстоящих поколений, для своих детей.

Пушкин хорошо видел, какой горючий материал представляет собой крепостное население России, как оно легко воспламеняется, как часто достаточно только повода, чтобы скрытый огонь, бушующий и испепеляя, вырвался наружу.

Пушкин, осуждавший крестьянские бунты и пугачевское движение, не возлагал за них ответственность на самих угнетенных. Он считал, что кровопролитные и подчас жестокие народные возмущения являются неизбежным ответом на жестокость помещиков и правительства. Критикуя взгляды Радищева, Пушкин, однако, по поводу описания продажи крепостных наподобие продажи бессловесного скота, замечает: «Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях, с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...».

Разве сатирическая летопись прадеда Белкина («История села Горюхина») не вводит нас также в размышления Пушкина о положении народных масс и о причинах постоянных волнений? Ле-

топись эта отличается ясностью и краткостью слога. Например: «4 мая. Снег. Тришка за грубость бит. 6 — корова бурая пята. Сенька за пьянство бит. 8 — погода ясная. 9 — дождь и снег. Тришка бит по погоде». Что же еще оставалось бесчисленным Тришкам и Сенькам, как не подыматься с дреколем и ножами, если для них битье было так же неизбежно, как погода?

В «Капитанской дочке» Пушкин с содроганием рассказывает о мерах усмирения, применявшихся правительством. Он резко ополчается против пыток. Он с ужасом рассказывает об отсеченных ушах и носах, о вырезанных языках у мятежных башкир, о плувучих виселицах, пущенных по течению Волги после разгрома Пугачева. К правительственным зверствам он относится с таким же осуждением, как и к зверствам Пугачева; однако нравоучительная тирада: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений», адресована не мятежникам, а дворянству и правительству.

Пушкин сознавал в известной мере классовый характер борьбы восстающих крестьян с дворянством и правительством. В «Общих замечаниях» к «Истории Пугачева» Пушкин говорит:

«Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но в годы их были слишком противоположны».

В этих словах нельзя не видеть зародыша признания закономерности и неизбежности пугачевского движения. Такое отношение к причинам крестьянского движения расходилось с официальным отношением к нему и со стороны правительства, и со стороны дворянства. Хотя с точки зрения формальной в своих произведениях, посвященных крестьянскому движению, Пушкин высказывал лояльно-монархические взгляды, Николай I остался не очень доволен историческими изысканиями Пушкина о восстании Емельяна Пугачева. Пушкин назвал представленное царю на цензуру сочинение «История Пугачева», на что царь заметил, что Пугачев не может иметь истории. Почтенное слово «история» могло быть применено

к царям, вельможам, к дворянам, но оно резало слух царя по отношению к бунтовщику, к предводителю восставших мужиков. История могла быть у человека крепостной же раб был не человеком, а вещью, скотом, а тем более восставший раб. Пушкин же смотрел на крепостных мужиков, как на мирных, так и на восставших, как на людей, как на личности. Пугачев с его точки зрения имел историю, во всяком случае, не менее интересную, чем умирившие его генералы. Психология восставших и крепостных была ему не менее интересна, чем психология дворян, которые одни только и считались людьми.

Психологический портрет Пугачева обрисован Пушкиным с большим сочувствием. Он вольнолюбив, смел великодушен, помнит добро, обладает природной сметкой, в нем много чувства собственного достоинства. Пугачев мечтает сесть на трон, как когда-то Иже-Дмитрий.

Пушкин до ужаса четко представлял себе картину зверств, чинившихся пугачевцами. Но он обладал достаточно широким и свободным взглядом на вещи, чтобы понимать, что даже зверства не могут оправдать отношения к социальным низам не как к людям. Ведь не меньшее, а большее количество зверств чинили дворяне-усмирители.

Вот эта сторона творчества и мировоззрения Пушкина раздражала царя и его клику, как крамола и бунтовничество. Недовольство отношением Пушкина к мужику принимало иногда анекдотические формы. Так, его печатно упрекали в том, что он назвал дворянских барышень девчонками, а крестьянскую «девку» — девой. Но за анекдотическим выражением скрывалось дворянское классовое чутье, безошибочно чувствовавшее в духе поэзии Пушкина что-то тревожное, неблагонадежное, расходящееся с традиционным дворянским восприятием человеческих взаимоотношений. Пушкин мог сколько угодно называть пугачевское восстание «гнусным бунтом, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода», но оценивал он положение крестьян и проявления крестьянской революционности не так, как это полагалось по-официальному. Николай не мог до конца осмыслить, что ему не

правилось в отношении Пушкина к Пугачеву, — для этого он не был достаточно проникателен, но оно ему не нравилось, и он делал замечания великому поэту.

Для отношения к мужику, да еще к бунтующему, как к человеческой личности, необходим был иной взгляд на все это, чем обычный дворянский. И здесь мы вновь видим трещины, возникшие в отношениях между Пушкиным и всей массой его класса, и здесь Пушкин выступает как отщепенец, как одиночка.

Пушкин считал политическую свободу неразлучной с освобождением крестьян. Политическое преобразование он считал теснейшим образом связанным с социальным. Пушкин понял, что ликвидация крепостного права является основой всех стремлений к политической свободе. Она — краеугольный камень всякой освободительной программы, претендующей на успех, она — условие гражданского равенства сословий, к чему стремился Пушкин.

Впоследствии Пушкин, скрепя сердце, отказался от программы политической свободы, но мыслей своих о необходимости освобождения крестьян он не изменил. Он возвращался к ним неоднократно. Пушкин не был политическим вождем, он не разрабатывал программ, касающихся того, как и на каких условиях должно пройти освобождение крестьян. Но он относился к классовому конфликту помещиков и крестьян как к центральному конфликту эпохи, он считал, что от характера его разрешения зависит характер исторических судеб России, он чувствовал, что дворянская почва колеблется под ногами, что под ней — огнедышащие и необузданные силы, которые в будущем могут прорваться наружу и все уничтожить. Он не желал катастрофического разрешения конфликта, ему дороги были и культурные завоевания, и интересы дворян, класса, к которому он принадлежал. Но Пушкин признал основное требование крестьянства — свободу от крепости — правильным, законным и подлежащим удовлетворению*).

*) «Комсомольская правда», 6 сентября 1936 г.